

Л.Н. Суслова

ЕДИНОВЕРИЕ В ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Единоверие, созданное в конце XVIII в., предоставило возможность старообрядцам исправлять требы по своим обрядам. Включение единоверческих церквей в систему официального православия стало одной из причин нежелания староверов записываться в единоверческие приходы. С середины 20-х гг. XIX в. правительство начинает использовать единоверие в борьбе со старообрядчеством. Основным источником для изучения состояния единоверия являются практически не введенные в научный оборот до настоящего времени и сохранившиеся в фондах ГУТО ГА в г. Тобольске клировые ведомости единоверческих церквей за 1874–1915 годы. Они включают в себя сведения о строительстве, обеспечении утварью, штате, доходах, количестве и состоянии земли и домов для причта, приписных часовнях, а также послужные списки церковнослужителей и др. Ведомости дают достаточно точное представление об единоверческих храмах в исследуемый период и позволяют указать все существующие церкви с 40-х гг. XIX в. и до начала XX в.

Таблица 1.

Единоверческие церкви Тобольской губернии в XIX – начале XX вв.¹

Наименование, местонахождение	Год строительства, перестройки. Материал, описание
С в я т о - Т р о и ц к а я , г. Тюмень	1844–1850 гг. Каменная, «крепка, внутри и снаружи отштукатурена, обнесена с юго-западной стороны каменной с железными решетками оградой, а с прочих сторон деревянную».
Ялуторовский округ: Николаевская, с. Крутихинское	1845 г. – деревянная, 13 августа 1890 г. сгорела «до основания от бывшего в селе пожара». 15 июня 1892 г. заложена новая. каменная, окончена в 1895 г. Обшита тесом и покрыта железом. С. 1895 г. – «колокольня и сторожка при ней тоже каменные».
Казанской Богородицы, с. Кодское	1838 г. Деревянная, ветхая.
Пророко-Ильинская, с. Сосновское	1851 г. деревянная, в 1869 г. «по ветхости перестроена», с 1911 г. – каменная, «ополублена тесом и покрыта железом, крепка. вокруг церкви деревянная ограда».
Успенская, с. Уваровское	1846 г., в 1882 г. «по ветхости перестроена». Деревянная, на каменном фундаменте, «ополублена тесом, выкрашена белой краской, крепка».
Богородице-Тихвинская, с. Бердюгинское	1893 г. Деревянная, на каменном фундаменте, одноэтажная.

Наименование, местонахождение	Год строительства, перестройки. Материал, описание
Ишимского округа: Покрова Пресвятой Богородицы. с 1847 г. во имя Святителя и Чудотворца Николая. с. Травнинское Благовещенская, с. Сивковское	Сгорела в 1843 г. деревянная, перестроена в 1847 г. на каменном фундаменте. «внутри церкви сторожка, с ветхой деревянной оградой, для новой заготовлен лес» в 1895 г. церковь и ограда выкрашены.
Христорождественская, с. Снигиревское	1852 г. деревянная, 28 февраля 1892 г. сгорела, построен молитвенный дом с алтарем и иконостасом, «покрыта тесом, колокольня устроена отдельно на столбах». 22 августа 1895–1987 гг. Деревянная, на каменном фундаменте, прочная, с колокольней и сторожкой, верх храма до карнизов «окрашен», «кресты и главы железные, вызолочены».
Троицкая, с. Теплодубровское	Построена новая в 1907 г. Деревянная, на каменном фундаменте, вокруг храма деревянная ограда, построенная благотворителем крестьянином с. Теплодубровского Алексеем Никифоровым Пичкановым на собственные средства (800 руб.) и «окрашена зеленой маслянистой краской». 20 мая 1899 г. «постановлен новый иконостас (2400 руб.)».
с. Большеярковское	1914 г. Деревянная, на каменном фундаменте, «с колокольней и сторожкой».
с. Вяльковское	1906 г. Деревянная, на каменном фундаменте, «крыша покрыта железом».
Курганского округа: Вознесенская, с. Романовское	Деревянная, на каменном фундаменте, одноэтажная, прочная, обшита тесом и покрыта железом.
Святого Великомученика и Победоносца Георгия, с. Щучинское	1842 г., по ветхости построена новая в 1869 г. деревянная, на каменном фундаменте. В 1895 г. требует перестройки.
Святителя и Чудотворца Николая, с. Нижнеалабугское	1844 г., поправлена в 1879 г., деревянная, на каменном фундаменте, прочная, покрыта железом.
Богородице-Введенская, с. Савинское	1907 г. Деревянная, на каменном фундаменте, «с колокольней и двумя помещениями для школы и учителя, покрыта железом».
Михаило-Архангельская, с. Плосковское	Построена новая в 1894 г. Деревянная, на каменном фундаменте.

Из приведенных материалов видно, что к середине XIX в. были устроены 10 единоверческих церквей в Тюмени, селах Кодском, Крутихинском, Сосновском, Уваровском Ялуторовского округа, Травнинском и Сивковском Ишимского округа, Щучинском, Романовском и Нижнеалабугском Курганского округа. Эти храмы, за исключением каменной Тюменской

церкви, были деревянными и впоследствии неоднократно перестраивались «по ветхости».

Были образованы и десять единоверческих приходов. Как показывает анализ материалов по организации единоверия в Тобольской губернии, образование прихода проходило несколько этапов. Появление единоверческих священников из соседней Пермской епархии и их проповедническая деятельность среди староверов, сочетавшаяся с полицейскими мерами, приводили к переходу в единоверие части старообрядцев. Затем шел выбор и ходатайство о назначении своего священника, строительство церкви, регулярное исправление треб и занесение их в метрические книги и исповедальные росписи².

Большинство единоверческих церквей в губернии имели приписные часовни. Некоторые из них впоследствии становились центрами новых приходов.

Таблица 2.

Приписные часовни единоверческих приходов Тобольской губернии³

Приходы	Приписные часовни
г. Тюмень	1. Каменная часовня построена в 1857 г. «при самой церкви на южном уле церковной ограды... выштукатуренная внутри и снаружи» для продажи свеч, которых продавалось в 1895 г. «до шести пудов в год». 2. 12 января 1908 г. тобольской духовной консисторией разрешена постройка часовни в дер. Скородумской Успенской волости (в 40 верстах от г. Тюмени), в 1909 г. – приготовлен «сруб», сложен фундамент, окончена в 1914 г.
Ялуторовский округ:	
с. Крутихинское	В с. Бердюгинском (в 38 верстах).
с. Сосновское	Часовня в дер. Шулындиной Малышевской волости Ишимского округа.
с. Уваровское	Деревянная часовня во имя Иоанна Богослова в дер. Середкиной, в 1874 г. приходящая в ветхость, перестроена в 1876 г.
Ишимский округ:	
с. Травнинское	1. В с. Вьялковском, построена в 1906 г. 2. В дер. Яровской Казанской волости, во имя Святителя Василия Великого, «построена издавна, когда прихожане были еще в расколе», деревянная, «богослужение в ней отправляется местным причтом ежегодно в Святую Четыредесятницу и во время крестных ходов, а иногда в дни праздничных», свечей продается на 30 руб. в год.
с. Сивковское	1. В с. Теплодубровском, во имя Святой Животворящей Троицы, деревянная, возобновлена в 1876 г. с разрешения епархиального начальства. Богослужение отправляется причтом Сивковской церкви в Святую Четыредесятницу и во время крестных ходов. 2. В дер. Старорямовой Бердюгинской волости, во имя Святого Николая Чудотворца, «раскольническая».
с. Большеярковское	Часовня в дер. Ярковских (в 7 верстах).

Приходы	Приписные часовни
Курганский округ:	
с. Щучинское	В дер. Плоской, деревянная, на каменном фундаменте, во имя Святого Михаила, построена в 1864 г., «вследствие ветхости» перестроена в 1891 г. и «обращена в молитвенный дом, имеющий по плану Алтарь и колокольню, по бедности прихожан неокончена» в 1895 г.: «нет крыши и колокольни, а внутри – прилично устроенного иконостаса, с царскими вратами и боковыми южными и северными дверями». Богослужение «отправляется» причтом с. Щучинского в четырехдесятичные праздники. В 1874 г. от продажи свечей получено около 20 руб.
с. Романовское	<p>1. Деревянная часовня в дер. Шастовой, «во имя Вознесения Господня, устроенная издавна», перестроена в 1890 г. Богослужение отправляется причтом с. Романовского в «великий пост, в пасху и во время засухи обездожии», свечей расходовалось не более 10 фунтов в год, прибыль от продажи свечей направлялась на поправку часовни.</p> <p>2. Деревянная часовня в дер. Сусловой, «устроена издавна», ветхая, «во имя Покрова Пресвятыя Богородицы», богослужение отправляется местным причтом 1 октября, в пользу церкви в часовне продается свечей на сумму от 1 до 2 руб. серебром в год.</p>

К середине XIX в. единоверием была охвачена часть старообрядческого населения Тюменского, Ялуторовского, Курганского и Ишимского округов. Все единоверческие приходы были разделены на два благочиния. В первое благочиние входили пять приходов Тюменского и Ялуторовского округов: Тюменский, Кодский, Крутихинский, Уваровский и Сосновский. Позднее в состав благочиния вошли выделенные в отдельные приходы Бердюгинский Ялуторовского округа (церковь построена в 1893 г., метрические книги и исповедальные росписи заведены с 1899 г.) и Савинский Курганского округа (церковь построена в 1908 г., метрические книги заведены с 1910 г.). Возглавляли первое благочиние священники Тюменской единоверческой церкви, назначенные на должность консисторией и утвержденные архиепископом: протоиерей Христофор Иваницкий (1874–1902 гг.), священники Неофит Рухлов (14 декабря 1902 г. – 5 июля 1913 г.) и Владимир Бирюков (1913–1915 гг.). Единоверческое духовенство формировало совет благочиния в составе трех священников, утвержденных в консистории.

Ко второму благочинию относились пять единоверческих приходов Ишимского (Травнинский и Сивковский) и Курганского (Щучинский, Нижнеалабугский и Романовский) округов. В начале XX в. были образованы пять новых приходов: в 1896 г. – Снигиревский, в 1909 г. –

Плосковский и Теплодубровский, в 1914 г. – Большеярковский и Вялковский приходы. Возглавляли второе благочиние священники: Александр Мефодиев (16 января 1864 г. – 19 июня 1867 г.), Христофор Иваницкий (19 июня 1867 г. – 1874 г.), Николай Ракитянский (1874 г. – 1893 г.), Макарий Бердюгин (1893–1901 г.), Капитон Виноградов (1901–1904 гг.), Петр Попов (1904–1908 гг.) и Ермий Бердюгин (1908–1915 гг.)⁴.

За исследуемый период количество единоверческих приходов в Тобольской епархии увеличилось с 10-ти (в 1896 г.) до 17-ти (в 1915 г.). Увеличение идет в основном за счет дробления старых, обширных по территории приходов Ишимского, Курганского и Ялуторовского округов в конце XIX – начале XX в.

Следует отметить тот факт, что все 10 единоверческих приходов, действовавших к концу XIX в., были открыты в период интенсивного насаждения единоверия при Николае I. Церкви в с. Романовском Курганского уезда, с. Травнинском и Сивковском Ишимского уезда, с. Крутихинском, Сосновском и Кодском Ялуторовского уезда, а также приписные часовни в д. Плоской, Шастовой, Суловой Курганского уезда, д. Яровской, Вялковой, Старорямовой и с. Теплодубровского Ишимского уезда, в д. Середкиной Ялуторовского уезда, были перестроены из конфискованных старообрядческих часовен⁵.

Количество единоверцев (только 26 октября 1848 г., согласно постановлению правительства, приказано было не смешивать в ведомостях единоверцев с «раскольниками») в исследуемый период было различным и зависело, в частности, от общероссийской политики по отношению к старообрядцам⁶. Проследить изменения в данной области позволяют клировые ведомости единоверческих церквей Тобольской губернии с 1874 по 1915 гг., которые, наряду с численностью прихожан-единоверцев, фиксировали и количество «уклонившихся в раскол», т.е. староверов, присоединенных к единоверию или обращавшихся к единоверческим священникам для заключения браков и не считавших себя прихожанами единоверческих церквей⁷. Их число и увеличивало вплоть до 1914–1915 гг. общее количество единоверцев в Тобольской губернии. Полученные в ходе исследования данные представлены нами в таблице 3.

Таблица 3.

Количество единоверцев и уклонившихся в раскол в Тобольской губернии в конце XIX – начале XX в.

Единоверческие приходы:	1875		1885		1897		1906		1915
	Един-цы	Укл. в р.	Един-цы	Укл. в р.	Един-цы	Укл. в р.	Един-цы	Укл. в р.	Един-цы
1. Тюменский	2503		2414	672	1816	521	1583	578	1274
2. Уваровский	1793		999	712	890	743	853		1298
3. Крутихинский	1905		489	923	638	874	696	241	1116
4. Сосновский	2251	249	1387	864	1101	569	1260	44	1467
5. Кодский	1053	1198	605	1573	625	1211	580	170	455
6. Бердюгинский							291		347
7. Нижнеалабугский	1807		1726		1651	191	1755	26	2189
8. Романовский	2363		1366	1273	1511	1220	1558		1421
9. Щучинский	2544		2661		1529	343	1749	27	1243
10. Савинский									100
11. Плосковский									720
12. Сивковский	5053		5539		3646	1646	3931	901	3533
13. Травнинский	3071		2598		1693	391	2346		1612
14. Теплодубровский									744
15. Снигиревский							1704	507	1637
16. Большеярковский									1015
17. Вяляковский									453
Всего по губернии:	24343	1447	19784	6017	15100	7739	18306	2494	20614

Эти данные позволяют выделить периоды, когда происходит значительный отток прихожан из единоверия. До начала XX в. число единоверцев по всем приходам губернии уменьшилось на 38 % от первоначального количества. Это связано с изменением правительственной политики по отношению к старообрядчеству и с реакцией приписанных к единоверию старообрядцев на указ 1874 г., признавший законность старообрядческих браков, и указ 1883 г. о даровании «раскольникам» гражданских прав. Одновременно с уменьшением единоверцев количество уклонившихся в старообрядчество в этот же период возросло на 81,3%. В начале XX в. заметна обратная ситуация: увеличение количества единоверцев и сокращение случаев уклонения в раскол. Следует отметить, что после 1906 г. уклонившихся в раскол вообще перестали фиксировать в клировых ведомостях единоверческих церквей. По статистическим данным, изданным Департаментом духовных дел МВД, к 1 января 1912 г. в Тобольской губернии было зафиксировано 76525 старообрядцев⁹. К этому времени здесь действовало 14 единоверческих приходов

с общей численностью прихожан 19425 чел., что составляло 25,4% от числа учтенных староверов. Рост числа единоверцев в определенной степени был следствием Манифеста 17 апреля 1905 г., даровавшего свободу вероисповедания, а также притоком переселенцев, в частности, в период строительства Транссибирской железной дороги и во время проведения Столыпинской реформы.

Границы единоверческих приходов не совпадали ни с границами православных приходов, ни с границами административных волостей и даже уездов. В состав прихода входили жители многочисленных сел и деревень, находившихся на расстоянии от 3 до 75 верст. Количество дворов в приходах колебалось от 24 дворов в Савинском единоверческом приходе до 485 дворов в с. Сивковском Ишимского уезда¹⁰.

Согласно положению от 2 августа 1864 г., при единоверческих храмах создаются приходские попечительства, которые должны были формироваться из прихожан и местных священников. По аналогии с православными, единоверческие попечительства были обязаны контролировать использование духовенством предоставленных ему средств, что свидетельствовало о признании права общины в управлении имуществом и доходами единоверческих церквей, изыскивать средства в виде добровольных пожертвований для учреждения школ, больниц, приютов и других благотворительных заведений. Однако, как показывают материалы по истории единоверия в Тобольской епархии, эта навязываемая инициатива не нашла отклика в среде единоверцев. В конце XIX в. попечительство было создано лишь в Щучинском приходе, а в Травнинском и Крутихинском приходах был избран один попечитель, на которого возлагалась обязанность сбора «разных общественных расположек» и «добрых пожертвований» в пользу церкви и церковной школы, на содержание школьного помещения, отопление церкви и оплату услуг прощфорни. Желающих пожертвовать на вышеперечисленные нужды было не так уж много, поскольку в год «попечителям» удавалось собрать около 50 руб. В подавляющем большинстве единоверческих приходов попечительства не были образованы «по причине разбросанности прихода», но чаще всего – из-за «нежелания прихожан»¹¹.

17 марта 1839 г. единоверцам было разрешено хоронить умерших на православных и раскольнических кладбищах, «сообразно с желанием, изъявленным перед смертью умирающим, или согласно с просьбою ближайших его родственников». Епархиальное начальство заинтересо-

валось информацией о единоверческих кладбищах в начале XX в. Первые сведения о кладбищах появились в клировых ведомостях лишь в 1904 г. Консисторию интересовали санитарные нормы их организации, расстояние от населенных пунктов, занимаемая площадь, вместимость, наличие крестов на могилах, ограждений и березового леса, а также документов, подтверждающих законность использования их единоверцами время открытия.

Собранные единоверческими причтами сведения показали, что в распоряжении единоверцев находились тринадцать кладбищ: два – в Сосновском приходе, в 100 саж. от села, и при д. Шулындиной; три – в Уваровском, в 2 верстах от с. Уваровского, в д. Середкиной и в д. Катаевой; два – в Щучинском, в 3 верстах от села, и в одной версте от Михаило-Архангельской единоверческой церкви в д. Плоской; два – в Бердюгинском, в 500 саж. от села, и в 20-ти саж. от жилых строений в д. Слободчиковой, что в шести верстах от Бердюгинской единоверческой церкви; два – в Кодском, в 300 саж. от села, и в д. Ожогойной Шатовской волости, которая находилась на расстоянии 23 верст от приходской церкви. Еще по одному кладбищу было устроено в 300 саж. от с. Крутихинского и в Романовском приходе, «около сосновой рощи».

Как выяснилось, они были заведены прихожанами еще «в бытность их в старообрядчестве», «с незапамятных времен». На это указывает отсутствие «за давностью» документов и сведений о времени открытия и продолжительности существования всех кладбищ. На кладбище села Кодского Ялutorовского округа единоверцы хоронили умерших совместно с «раскольниками». Занимаемая ими площадь равнялась 200 кв. саженям и была ограждена ветхим, «лишь местами поправленным» «заплотом» (забором), или окапывалась рвом. На могилах устанавливались деревянные «осьмиконечные» кресты, «столбы с врезанными в них медными иконами». Выяснилось, что «могилы копаются не по плану», а «где кто пожелает», но закрыто было лишь одно кладбище «в виду его санитарного состояния» в д. Ожогойной Кодского прихода, вероятнее всего, вследствие «переполненности могил», так как сразу же после его закрытия в 1902 г. последовало ходатайство единоверцев об открытии нового кладбища. В 1907 г. причт Бердюгинской церкви ходатайствовал перед Тобольской консисторией о закрытии кладбища в д. Слободчиковой «за близостью от жилых строений и по малочисленности единоверцев в той деревне»¹².

Согласно неоднократно утверждавшемуся штатному расписанию приходов и причтов (1837 г., 1849 г., 28 февраля 1858 г., 1865 г., 30 апреля 1877 г., 1885 г., 23 апреля 1893 г. и 1904 г.), количество единоверческих священно- и церковнослужителей к каждой церкви распределялось следующим образом:

Таблица 4.

**Количество единоверческих священно- и церковнослужителей
в Тобольской епархии¹³.**

Наименование прихода	Состоит на службе	Положено по штату	Вакантные места
Тюменский	Священник, первый псаломщик (в 1895 г.).	Священник, диакон, дьячок и пономарь (с 1858 г.); священник, диакон и два псаломщика (с 1877 г.); протоирей, священник, диакон и псаломщик (с 1904 г.).	Диакона (в 1891–1895 г.), второго псаломщика (в 1892–1895 г.).
Бердюгинский	Священник, псаломщик (в 1899 г.).	Священник, псаломщик (с 1899 г.).	-
Крутихинский	Священник, псаломщик (в 1895 г.).	Священник, два псаломщика	Второго псаломщика.
Кодский	Священник, псаломщик (в 1895 г.).	Священник, два псаломщика.	Второго псаломщика.
Сосновский	Священник, псаломщик (в 1895 г.).	Священник, два псаломщика.	Второго псаломщика.
Уваровский	Священник, псаломщик (в 1895 г.).	Священник, два псаломщика.	Второго псаломщика.
Травнинский	Два священника, диакон и два псаломщика (в 1895 г.).	Два священника, диакон и два псаломщика.	-
Щучинский	Священник, диакон и два псаломщика (в 1895 г.).	Священник, диакон и два псаломщика.	-
Романовский	Священник, псаломщик (в 1895 г.).	Священник, два псаломщика.	Второго псаломщика.
Сивковский	Священник, диакон и два псаломщика (в 1895 г.).	Священник, диакон и два псаломщика.	-
Нижнеалабугский	Священник, псаломщик (в 1895 г.).	Священник, диакон и пономарь.	Второго псаломщика.
Сниггиревский	Священник, псаломщик (в 1897 г.).	Священник, псаломщик.	-
Теплодубровский	Священник и псаломщик от Сивковской церкви (в 1910 г.).	Священник, псаломщик от Сивковской церкви.	-
Савинский	Священник, псаломщик (в 1910 г.).	Священник, псаломщик.	-
Большеярковский	Священник, псаломщик (в 1914 г.).	Священник, псаломщик.	-

Наименование прихода	Состоит на службе	Положено по штату	Вакантные места
Вьялковский	Священник на диаконовской вакансии от Травнинской церкви, псаломщик вольнонаемный (в 1910 г.).	Священник от Травнинской церкви на диаконовской вакансии, псаломщик вольнонаемный.	-
Плосковский	Священник, псаломщик от Щучинской церкви (в 1910 г.).	Священник, псаломщик от Щучинской церкви.	-

Из таблицы видно, что общее количество единоверческого духовенства в Тобольской епархии, по данным 1895 г., составляло 27 чел. При этом число вакантных мест в том же году равнялось 8. Более наглядное представление дают материалы первого благочиния, охватывающего единоверческие приходы Тюменского и Ялуторовского округов. В 1889 г. приходы были не укомплектованы 2-мя диаконами и 7-ю псаломщиками. В 1895 г. вместо положенных пяти священников, одного диакона и десяти псаломщиков, на службе числилось пять священников и пять псаломщиков, при вакантных местах одного диакона и пяти псаломщиков. В 1897 г. количество вакантных мест в благочинии увеличилось при том же штатном расписании до двух священников, двух диаконов и пяти псаломщиков. К 1904 г. произошло увеличение штатных должностей (7 священников, 1 диакон и 8 псаломщиков) и наблюдалась большая укомплектованность единоверческих приходов (1 протоиерей, 7 священников, 1 диакон и 6 псаломщиков) с двумя праздными псаломщическими вакансиями. Наличие праздных мест в единоверческих приходах можно объяснить стремлением компенсировать за их счет скудный бюджет единоверческого духовенства, нежеланием православного духовенства служить в единоверческих приходах и трудностью подобрать подходящих кандидатов из крестьянской среды. Кроме того, в начале XX в. заметен рост числа штатных мест и сокращение праздных вакансий, что связано с появлением в этот период новых единоверческих приходов.

Необходимо рассмотреть материальный уровень жизни приходского духовенства единоверческих церквей. Данные официальных документов показывают существование значительного разрыва в материальных условиях жизни не только между священно- и церковнослужителями, но и между клириками различных приходов¹⁴.

Доходы единоверческих причтов складывались из различных источников: штатное казенное жалование, доходы от «братской кружки», проценты с церковного капитала, «из церковных сумм» (например, доходы от свечного завода, церковных магазинов, приписных церквей и часовен), в сельских приходах – от сдачи земли в аренду, сборов с прихожан и добровольных пожертвований за исправление треб. В тех случаях, когда причту не была отведена пахотная, сенокосная и усадебная земля (например, в 1895 г. в Травнинской церкви, до утверждения во владение церковной землей), он пользовался сбором руги с каждой души мужского пола в возрасте от 20 до 50 лет по одному пуду ржаного хлеба и овса¹⁵.

Наиболее богатым считался приход единоверческой церкви в Тюмени. В состав его прихожан входило значительное, по сравнению с другими приходами, количество состоятельных купеческих и мещанских семей, что приносило довольно внушительные пожертвования и увеличивало размер церковного капитала. Менее обеспеченными были священнослужители сельских приходов. Годовой доход священника Тюменской Троицкой церкви в 1907 г. равнялся 1167 руб. 08 коп., а казенное жалование составляло лишь 11,8 % (137 руб. 20 коп.). Доход священников в остальных единоверческих приходах в тот же период в среднем равнялся 600 руб.¹⁶ Ежегодный доход диакона в Тюменской единоверческой церкви составлял 633 руб. 44 коп. Не случайно диаконскую вакансию здесь занимали, как правило, служители, рукоположенные в сан священника, а псаломщическую с жалованием 314 руб. 74 коп. в год¹⁷ – диакона.

Все сказанное позволяет сделать вывод о том, что единоверческое духовенство, так же как и православное, предпочитало служить пусть в более низких чинах, но на богатых приходах, чем получить священническое место в бедном¹⁸. Это давало возможность благочинным и тюменским священникам пользоваться своим положением, чтобы содействовать в назначении на пустующие места своим родственникам.

К концу 80-х гг. XIX в. церковный капитал начинают пополнять пожертвования, внесенные в пользу единоверческих церквей в различные кредитные учреждения. Ежегодные проценты (4–5 %), получаемые с этих сумм, делились между причтом и являлись существенным дополнением к штатному жалованию духовенства. Самым большим капиталом обладала Тюменская единоверческая церковь. К 1895 г. сумма, внесенная в пользу церкви в Екатеринбургскую контору государствен-

ного банка, равнялась 4550 руб. и давала ежегодно 155 руб. 40 коп. процентов. Помимо этого причт Тюменской церкви ежегодно получал 159 руб. 68 коп. процентов со внесенных в сберегательную кассу Государственного Банка «церковных сумм» (4812 руб.). Позднее, в 1897 г., на территории церкви были построены три каменных магазина, доход с которых (120 руб. в год) также делился между причтом¹⁹. Как показывают источники, основными дарителями являлись тюменские купцы и мещане²⁰. Капиталы остальных единоверческих приходов были не столь значительными. Так, Кодская и Уваровская единоверческие церкви получали в виде процентов по 39 руб. 20 коп в год со внесенных «на вечное время» в Екатеринбургскую контору Государственного Банка и сберегательную кассу г. Ялуторовска тюменской вдовой купца 1-й гильдии И.Г. Войновой 1000 руб.²¹ Самым незначительным капиталом обладала Романовская единоверческая церковь. В 1890 г. крестьянская вдова Е. Нестерова из д. Бачанцевой Белозерской волости внесла «на вечное время» в Курганскую сберегательную кассу 100 руб., ежегодный доход с которых составлял 4 руб.²² Таким образом, данные по материальному уровню жизни единоверческого духовенства Тобольской епархии в конце XIX – начале XX в. свидетельствуют о том, что единоверческие приходы в основной своей массе были бедны. Эти выводы подтверждают и материалы по другим регионам, в частности, по Пермской епархии²³.

В клировых ведомостях, содержащих описание устройства и имущества единоверческих церквей, формулировка «за отсутствием средств» встречается довольно часто. Так, в 1895 г. материальное содержание причта единоверческой церкви с. Травнинского было оценено как «скудное, так как добавочного жалованья из сумм, остающихся свободными от вакансий, при сей церкви нет». Частым явлением был недостаток необходимых богослужебных книг и церковной утвари²⁴.

Духовные власти епархии, заинтересованные в укреплении единоверия, чтобы «не растерять» прихожан, начинают оказывать финансовую помощь для создания новых приходов, т. к. многие единоверцы, воспользовавшись указами 1905–1906 гг. о свободе вероисповедания, перешли в старообрядчество. В 1907 г. на строительство новой церкви в с. Теплодубровском Ишимского округа консисторией было выдано 147 руб. На те же цели Синод перечислил 1500 руб. По ходатайству консистории на постройку новой церкви в с. Савинском Брылинской волости Курганского

округа из «лесной казенной Боровлянской дачи» было «отпущено» 900 сосновых бревен²⁵. Но чаще всего благоустройство храмов производилось по инициативе прихожан и местного священника. Так, в Травнинском приходе в 1906 г. на пожертвования прихожан был отремонтирован иконостас («окрашен светло-синей краской, позолота и резьба прочищены, св. иконы промыты, в иконостасе три иконы заменены новыми, стоимостью 150 рублей»), «внутри церкви оштукатурено», в 1909 г. – «выбелено известью, в стенах пробиты и вставлены три вентилятора, окна, двери и полы окрашены», вокруг церкви было «устроено» 8 фонарей, в 1910 г. – отремонтирована церковная ограда, побелена церковь «сверху и до карнизов». Стоимость ремонта составила 270 руб.²⁶

Для улучшения материального положения сельского духовенства единоверческие общины отводили своему причту часть пахотной, сенокосной и усадебной земли. Согласно установленным правилам, количество ее равнялось 90 дес. пахотной, 9 дес. сенокосной и 3 дес. усадебной. В Тобольской епархии положение в этом вопросе было далеко от идеала. В приходах, созданных в начале XX в. (Теплодубровском и Савинском), земля либо не была отведена вообще, либо значительно меньше установленной нормы: в Большеярковском – лишь 38,5 дес. пахотной, во Вялковском – 50 дес. пахотной и 9 сенокосной, в Плосковском – 62 дес. пахотной и 5 сенокосной, в Бердюгинском – 65 дес. пахотной и 1 усадебной. В 11-ти из 17-ти единоверческих приходов не было отведено усадебной земли. Большая часть пахотной земли сдавалась в аренду прихожанам, тогда как сенокосной землей пользовались сами священно- и церковнослужители. Арендная плата зависела от качества отведенной земли. Так, причт Крутихинской церкви сдавал в аренду 75 из 90 дес. пахотной земли по 1 руб. 75 коп. за десятину в год. Цена одной десятины в Плосковском и Вялковском приходах равнялась 2–3 руб., в Романовском, Щучинском и Большеярковском – 1 руб. 25 коп., а в Нижнеалабугском – 10–20 копеек. Сивковские церковнослужители получали арендной платы от 30 до 60 руб. в год. Зачастую отведенная земля была не пригодна для возделывания. В Крутихинском приходе 15 дес., а в Романовском – 25 дес. из 90 заросли «лесами» или «мелким кустарником». В Больше-Ярковском приходе из 38,5 дес. отведенной пахотной земли вместо положенных 90, 30 дес. были «весьма неплодородны», а оставшиеся 8,5 дес. – «пустующие».

Дома для причта устраивались на церковной или общественной земле за счет приходской общины или богатых благотворителей. Так, каменный дом для священника Тюменской единоверческой церкви был построен в 1886 г. тюменской купчихой И.Г. Войновой, для остальных членов причта в 1887 г. был приобретен деревянный дом на каменном фундаменте на территории города («на градской земле») церковным старостой купцом Терентием Алексеевым Тимофеенковым. В бедных приходах с малым числом прихожан псаломщики жили в своих домах (Крутихинский, Сосновский, Романовский, Снигиревский). Таким образом, можно предположить, что отсутствие возможности прихода обеспечить причт жильем определило практику назначения к церквям, как правило, на псаломщические вакансии местных жителей, что уменьшало затраты единоверческой общины по обеспечению клириков жильем. В Травнинском и Нижнеалабугском приходах единоверцы взяли на себя оплату проживания причта на частных квартирах (12–20 руб. в год). Вообще, для семи из семнадцати приходов в начале XX в. была характерна полная или частичная необеспеченность причта жильем (Кодский, Уваровский, Сивковский, Теплодубровский, Савинский, Большеярковский, Вялковский приходы). Тем не менее, в первые годы XX в. в нескольких приходах были построены дома для священников (в Больше-Ярковском – в 1907 г., во Вялковском – 1909 г., в Плосковском – в 1902 г.; в Травнинском приходе в 1904 г. был построен новый деревянный дом для священника «на каменных столбах, с железной крышей и водосточными трубами»).

Единоверческая община брала на себя все заботы о ремонте и перестройке домов причта. Так, прихожане Травнинской церкви в 1909 г. построили для священника «ворота, амбары, крытые железом, и сарай», а для псаломщика – «баню и хлев»; в 1910 г. от дома священника «к коридору» была пристроена «хорошая кухня, крытая железом и с водосточными трубами», а также «ледник и большая конюшня». Ремонт обошелся приходу в 450 руб.²⁷

В клировых ведомостях обычно прилагались послужные списки единоверческих служителей, что позволяет рассмотреть их материальную обеспеченность, сословную принадлежность, профессиональную подготовленность и нравственный облик. По указу Синода от 31 декабря 1856 г., архиепископам было предписано «предоставлять прихожанам

единоверческих церквей избирать из среды своих обществ священнослужителей, но рукополагать таковых не иначе, как по удостоверению Гражданского начальства о беспрепятственности к тому и по личном удостоверении в способности и совершенной благонадежности избранных лиц»²⁸. Как уже было отмечено, единоверцы имели право сами выбирать для себя клириков. Это определило довольно сильную «разношерстность» в составе единоверческого духовенства²⁹. Источники рекрутирования единоверческого духовенства ограничивались в основном сословиями православного духовенства и государственных крестьян.

Анализ материалов по единоверию в Тобольской епархии позволяет сделать вывод о том, что во второй половине XIX – начале XX в. православное духовенство поставило в ряды единоверческих клириков не менее 41 человека. Более половины из них (24 чел.) назначаются в единоверческие приходы в середине XIX в., т. е. в период их интенсивного формирования. Остальные 17 человек либо происходили из семей крестьян, сделавших духовную карьеру в единоверии, как Е.М. Бердюгин, либо были детьми или родственниками православных клириков, служивших в единоверческих церквях (И.И. Резанов, В.И. Серебренников, П.Н. Можаяев, Д.Н. Можаяев). Встречались и священники, переведенные консисторией в единоверческие приходы в качестве наказания (В.М. Князев). Более половины из представителей православного духовенства в единоверческих храмах закончило духовные училища (23 чел.), 16 чел. были выпускниками семинарии.

Крестьянство выдвинуло из своей среды более половины всех служителей – 46 чел. Из них 28 клириков принимаются в духовное сословие для единоверческих храмов в конце XIX в., когда общины предпочитают избирать причт из своей среды³⁰. Подавляющее большинство этой категории духовенства имело домашнее образование (33 чел.), реже – церковно-приходскую школу (5 чел.) и духовное училище (4 чел.).

Со временем появляются целые семьи православных клириков, служивших у единоверцев. Так, в Тюменской единоверческом приходе под началом священника Х.Ф. Иваницкого служили его родственники: «внук по жене» диакон П.П. Сосунов и «зять по внучке», псаломщик, а затем священник на диаконской вакансии В.Я. Добромыслов. В единоверческой церкви с. Кодского Ялуторовского округа место священника занимал Иоанн Козмин Резанов, а должность дьячка исполнял его сын Иоанн. В Крутихинском и Сосновском приходах священнические и диа-

конское места занимали три брата Поникаровских: Гавриил, Николай и Владимир Васильевы³¹. Страх перед единоверием у православного духовенства, видимо, прошел, о чем свидетельствует обилие собственных прошений (более 40) представителей православного духовенства о переводе в единоверческие приходы. Случаи обратного возвращения на службу в православные храмы встречались исключительно редко. Единственно возможный путь из единоверческих приходов – это выход за штат.

В крестьянской среде также складываются семьи единоверческих священно- и церковнослужителей. Макарий Иоаннов Бердюгин (священник Крутихинской церкви) и его сын Ермий (священник Романовской церкви) в разное время (отец – в 1893-м, а сын – в 1908-м г.) назначались епархиальным начальством на должность благочинного по Курганскому и Ишимскому округам³². В Уваровском приходе с 1894 по 1910 г. псаломщиками были Феофан Васильев Волосников и его сын Самуил. В родстве с Волосниковыми находилась другая семья единоверческого духовенства из крестьян – Михаил Георгиев Киселев (псаломщик Щучинской церкви) и его сын Афанасий (священник Романовской церкви)³³. В Тюменском, Травнинском, Крутихинском и Щучинском приходах начинали духовную карьеру с псаломщических должностей братья Никитины: Давид, Иван, Арсений и Сергей Ивановы³⁴. Таким образом, выходцы из православия и крестьянской среды создавали в исследуемый период свои династии единоверческого духовенства и были связаны родственными узами. Крестьянство в основном служило на вакансиях псаломщиков и переходило на высшие диаконские и священнические должности при активной поддержке прихожан.

Назначение в единоверческие приходы производилось Духовной консисторией и утверждалось главой епархии по ходатайству прихожан и постановлению приходского схода, собственному прошению или по распоряжению епархиального начальства, ходатайству благочинного или противораскольнического миссионера. Перемещение и назначение по усмотрению консистории осуществлялось, как правило, «для пользы службы» во временно пустующие приходы, в целях усиления борьбы с расколом или перемещения на менее выгодный приход провинившегося члена причта. Особых всплеск увеличения перемещений по указам в какие-либо периоды не выявлено. Своеволие духовных властей ограничивалось правом прихожан самим подбирать себе причт.

По ходатайству прихожан производился прием в духовное звание избранного кандидата, рукоположение в сан диаконов и священников. Были и случаи отказа прихожан от священника. Так, в 1874 г. Тобольская консистория вынуждена была перевести из Романовской единоверческой церкви назначенного ею священника Иоанна Торопова по решению приходского схода как «определенного без их желания»³⁵. Ходатайством прихожан могли заручиться как представители православного духовенства (9 случаев), так и, что чаще всего, бывшие крестьяне (15 случаев). Для последних поручительство прихожан существенно ускоряло процесс продвижения по службе.

Поскольку в состав единоверческого клира были допущены представители крестьянства, наличие специального образования не стало обязательным условием для получения более высокого духовного сана. Из 87 служителей единоверческих храмов Тобольской епархии с 1874 по 1915 г. не имели образования – 3 чел., получили лишь домашнее образование – 34 чел., окончили церковно-приходскую школу – 3 чел., Тобольское духовное уездное училище, окончание которого в первой половине XIX в. давало право на получение должности причетника, – 29 чел., четыре класса Тобольской губернской гимназии – 1 чел., низшее отделение тобольской семинарии – 9 чел., среднее отделение семинарии, которого вполне хватало для рукоположения в сан диакона, – 3 чел., полный курс семинарии, необходимый для рукоположения в сан священника в православных храмах, – лишь 5 чел.. Таким образом, большинство служителей (40 чел.) единоверческих приходов Тобольской епархии во второй половине XIX – начале XX в. не имело вообще или имело низкий уровень образования, 30 чел. – средний уровень, и лишь 17 чел. являлись выпускниками семинарии.

Как правило, лица с домашним образованием из крестьян получали место священника через 5–9 и даже через 14 лет после начала духовной карьеры. Но если о рукоположении их в сан священника ходатайствовали прихожане-единоверцы, срок прохождения предыдущих ступеней сокращался для них до 1–4-х лет, а порой и до 8 месяцев. Участие в противораскольнической миссионерской деятельности делало бывшего крестьянина нужным лицом на духовном поприще, и он получал сан священника также в ускоренные сроки – через 2–4 года.

Низкий уровень профессиональной подготовленности духовенства в единоверческих приходах Тобольской епархии давал повод епархи-

альному начальству и благочинным для многочисленных замечаний и розысканий. Материалы по единоверию показывают, что за период с 1874 по 1909 г. благочинные дали отрицательную характеристику о духовной подготовке 16 служителей (7 священников и 9 псаломщиков, из них 11 происходили из крестьян), отметив их неудовлетворительное знание катехизиса (15 чел.), плохие навыки письма (6 чел.), незнание церковного устава (у 3-х чел.), удовлетворительные способности в чтении и церковном пении (у 9-ти чел.)³⁶.

На единоверческое духовенство, включенное в официальную церковную организацию, распространялись все применяемые меры поощрения и наказания. Из общего числа клириков (87 чел.), служивших в единоверческих приходах за период с 1874 по 1915 г., $\frac{1}{4}$ часть (21 чел.) были отмечены различными видами поощрения, сведения о которых заносились в клировые ведомости. 17 человек из награжденных были священниками, 1 – диаконом и 2 – псаломщиками. Общее число награждений единоверцев за этот период равнялось 57, из которых 35 были осуществлены в 1900–1914 гг. Шестнадцать из всех поощрений единоверцев были получены священником Тюменской единоверческой церкви, протоиереем (с 1893 г.), благочинным Тюменского и Ялуторовского округов, Христофором Феодоровым Иванищким. За «усердную службу» в единоверческих храмах в течение 62-х лет (с 1852 до 1910 г.) он трижды получал благодарности от Синода и Tobольского архиепископа (1865, 1866, 1902 гг.), благословение Синода (1849, 1901, 1910 г.), был награжден набедренником (1866 г.), скуфьей (1869 г.), камилавкой (1878 г.), двумя бронзовыми наперсными крестами на Владимирской ленте (1858, 1888 гг.), двумя знаками Красного Креста (1879, 1882 гг.), орденом Святой Анны третьей (1880 г.) и второй степеней (1899 г.) и, наконец, «по ходатайству причтов единоверческих церквей Tobольской епархии и Tobольского Епископа Антония», «за свыше пятидесятилетние труды в сане священника» был награжден палицей (1908 г.).

Самыми распространенными формами поощрения единоверческого духовенства были письменные благодарности (17 награждений), низшая церковная награда – набедренник (14 награждений), благословения Синода и архиепископа (9). Поощряли и наградными принадлежностями священнического облачения – камилавками (1), скуфьями (3), а также орденами (3) и медалями (4), наперсными крестами (2) и Библией (1)³⁷. Эти награждения производились в основном за особенное

усердие в борьбе с расколом и миссионерскую деятельность, а также за организацию и пожертвования на дело церковного образования³⁸. Единоверческие диаконы и причетники (псаломщики), как и в православии, не могли получать таких наград. Для них наиболее реальным было получение благодарностей, денежной награды³⁹ и посвящение в более высокий сан.

Нравственный облик единоверческого духовенства был невысоким. 34 % единоверческих служителей (30 из 87) имели разного рода взыскания и судимости (41 запись в послужные списки). Из них более половины – 18 человек – были выходцами из православных церквей. 12 человек, имевших судимость, происходили из крестьянского сословия. В зависимости от занимаемых должностей, первенство по взысканиям получили священники (18 человек), за ними шли нарушители - псаломщики (10) и диаконы (2).

Характеристика нравственного облика, соответствующего сану священно- и церковнослужителей, ежегодно представлялась благочинными в клировых ведомостях Тобольской консистории. Стандартная формулировка – «поведения очень (или «весьма») хорошего», иногда заканчивалась прямо противоположными фразами: например, о диаконе Тюменской единоверческой церкви П.И. Разумове – «но игнорирует нравами своего настоятеля», о священнике Уваровской церкви И.П. Гусеве – «но скверного («сварливого») характера», или о священнике Кодской церкви Трудненкове – «но уклоняется от исполнения единоверческих обрядов и своих обязанностей»⁴⁰.

Чаще всего отмечается склонность единоверческого духовенства к пьянству: священник Сосновской церкви В.И. Серебренников имел «склонность к горячим напиткам», священник Травнинского прихода И.П. Торопов «поведения доброго, но не совсем трезвого», псаломщик Щучинской церкви Г.М. Рухлов «нередко упивается вином», причт Нижне-Алабугского прихода – священники Н.А. Ракитянский («поведения очень хорошего, но нетрезв»), А.Л. Ведерников («поведения не совсем трезвого и в пьяном положении не скромнен») и псаломщик М.Ф. Захаров («поведения очень хорошего, но временно бывает пьян»); девятнадцатилетний псаломщик Крутихинской церкви А.Ф. Мосин «дозволял себе пить иногда вино и быть выпивши и вследствие этого не являлся к требам» и др.⁴¹ Подобные характеристики встречаются в документах и в 1874–1875 гг., и в 1913 г. Вообще, за нетрезвую жизнь и совершенные

на этой почве правонарушения, были судимы 12 из 30 клириков, подвергнутых различным наказаниям. Это говорит о том, что пьянство в среде единоверческого духовенства, как и православного, было весьма распространенным явлением.

Согласно действующим в православии положениям, священнослужители, которые были виновны в канонических, но не уголовных преступлениях, могли быть извергнуты из сана, но остаться в сословии на причетнических должностях⁴². По отношению к единоверческому духовенству к подобному наказанию прибегали довольно часто «за небрежность по службе», крещение и венчание в нетрезвом виде⁴³. Как правило, «извержение из сана» сопровождалось переводом в другой приход или дозволением в двухнедельный срок «приискать место самому» подсудимому, что было связано со значительными материальными затратами⁴⁴. На новое место низведенный в причетники поступал «на испытание» под строгий надзор благочинного и местного причта. Эта мера пресечения рассматривалась как временное наказание, но срок отрешения от должности обычно не оговаривался епархиальным начальством. Указывалась лишь неопределенная формулировка: «до полного раскаяния и исправления», которая ограничивалась иногда несколькими месяцами, а иногда растягивалась на годы. К переводу в другие единоверческие приходы псаломщика Г.М. Рухлова в 1875 г. (д. Сивковская), дьячка М.Г. Киселева в 1881 г. и священника И.П. Шалабанова в 1885 г. (д. Щучинская) привели жалобы и «приговоры» прихожан, указывающие на их «сомнительное поведение», «неблагovidные поступки» и нетрезвую жизнь⁴⁵.

Случаи исключения из сословия, как и в православной церкви, в единоверии встречались редко. Как правило, этому предшествовало увольнение «в заштат» и применялось к клирикам, имевшим несколько судимостей за серьезные церковные или уголовные преступления (грубость с причтом, вымогательство при требах, дерзость и нетрезвое поведение, организация «возмущения прихожан против причта», несоблюдение единоверческих обрядов, неоднократные жалобы прихожан и т.п.), обычно после применения других видов наказания: «труды», штрафы, переводы и отрешение⁴⁶.

Следующим по силе каноническим наказанием, применяемым к единоверческим священнослужителям, являлось запрещение священнослужения. Эта мера применялась по отношению к тем, кто находился под следствием по обвинению в серьезном церковном или уголовном

преступлении, а также к лицам, уже приговоренным церковным судом или неоднократно подвергавшимся более легким наказаниям за дисциплинарные проступки. В последнем случае запрещение сопровождалось посылкой в монастырь «в труды и послушание»⁴⁷.

Самыми распространенными видами наказания, как и в православной церкви, в единоверии были «отсылка в труды» и денежные штрафы, назначавшиеся в 44 % случаев (18 из 41). Осуждали на них чаще всего за пьянство (9 случаев), за нарушения требований к заключению браков (7 случаев), в том числе за венчание несовершеннолетних и чужеприходных без внесения браков в метрические книги, за оскорбления, «курение табака», несоблюдение единоверческих обрядов (хотя в других случаях за такое преступление увольняли за штат)⁴⁸.

Нельзя не согласиться с А.В. Мангиловой, которая считает, что «поскольку большинство дел рассматривалось внутрисословно, а решение по ним выносилось правящим архиереем, то четко определенного соотношения между проступками и наказаниями долгое время практически не существовало»⁴⁹. Данное заключение вполне применимо к состоянию единоверия в Тобольской епархии во второй половине XIX – начале XX в.

В «труды» определяли чаще всего в монастыри (Абалакский, Тобольский Знаменский и Тюменский Троицкий) в 32 % судимостей (13 случаев). Срок наказания трудами назначался произвольно епархиальными властями в виде епитимьи (земные поклоны в церкви во время служения) от 12–14 дней до 2–3-х и даже 7-ми месяцев⁵⁰. Размер денежных взысканий колебался в пределах 5-ти – 43-х рублей и взимался на нужды попечительства, в пользу бедных и сирот духовного звания или на судебные издержки⁵¹. В число причин наложения денежных взысканий входил практически весь спектр прегрешений духовенства. Прежде всего, это пьянство, курение табака, «немиролюбие с причтом», венчание несовершеннолетних. Достаточно распространенными были также выговоры, назначаемые за венчание без согласия родителей и совершение чужеприходных браков без записи в метрические книги, за венчание «двухкровных» родственников⁵².

Как и в других регионах страны, в частности на Урале, духовные власти стремились использовать распространение единоверия в Тобольской епархии, чтобы снизить остроту «кадровой проблемы» в духовном сословии. В единоверческие приходы из православия происходил отток

«излишков», причем в связи с неустойчивым материальным положением единоверческого клира сюда в основном попадали именно «лишние» представители сословия, не имевшие надежды сделать карьеру в православной церкви, имевшие судимости, отрешенные от сана⁵³. Подтверждением этому служат карьеры на единоверческом поприще И.К. Резанова, Г.В. Резанова, В.И. Серебренникова, А.П. Серебренникова, П.И. Разумова, Е.А. Серебренникова, Н.В. Поникаровского, С.А. Григорьева, С.Е. Мефодиева, И.П. Торопова, И. П. Шалабанова, Н.А. Ракитянского, Б.П. Померанцева, В.М. Князева и др.

Несмотря на все усилия, поправить свое финансовое положение единоверческим приходам было сложно. Насильственно загоняемые в единоверие старообрядцы оставались равнодушны к церкви, так что основная надежда была на желающих «откупиться» от навязываемой обрядности. Откровенный цинизм многих единоверческих клириков еще сильнее отталкивал от церкви прихожан, которые и так в большинстве своем были загнаны в единоверие вопреки собственному желанию⁵⁴.

Основным направлением церковной политики исследуемого периода по отношению к староверию стала не проповедь православия, а надзор за старообрядцами и православными. Поэтому светские и духовные власти видели в единоверческом духовенстве орудие их противораскольнической политики, а их основную функцию – в борьбе с расколом. Оно обязывалось доносить в Тобольскую консисторию о случаях уклонения в раскол, заключения старообрядческих браков, распространения своего вероучения в их приходах⁵⁵.

Насаждение единоверия встретило активное сопротивление старообрядцев. В своих донесениях миссионеры подчеркивали упорство и твердость крестьян, их готовность проявить даже фанатизм, но не присоединиться к единоверию. Некоторые миссионеры обращались за помощью к полиции, что вызывало еще большее возмущение старообрядцев. Отказываясь от единоверия, старообрядцы мотивировали это насилем со стороны местных властей и желанием иметь священника, независимого от архиерея, а если и зависимого, то лишь от светской власти. Многие крестьяне, присоединившиеся к единоверию, продолжали тайно оставаться в расколе, а чаще всего открыто порывали с единоверием. Привлекаемые к следствию, причем неоднократно, такие крестьяне оставались крайне упорными, и многие из них находили смелость обличать действия полиции⁵⁶.

Ясную оценку в дореволюционной историографии получил и вопрос о качественной стороне многочисленных обращений старообрядцев в православие и единоверие. М.И. Василевский в своей монографии «Государственная система отношений к старообрядческому расколу в царствование императора Николая I», написанной на основе прежде всего правительственных источников, вынужден был все же признать, что результатом мер правительства по борьбе со старообрядчеством было не уменьшение раскола, а уход его в подполье, принятие формы тайного раскола⁵⁷.

Политика репрессий в отношении старообрядцев создавала благоприятную почву для злоупотреблений и вымогательств православного духовенства, администрации и полиции. В.И. Байдин отмечал, что «православные священнослужители сами не всегда были заинтересованы в ликвидации старообрядчества в своих приходах, ибо извлекали из этого ощутимые материальные выгоды». Обычно такие факты оставались скрытыми, так как ни старообрядцы, ни приходское духовенство не были заинтересованы в их разглашении. Всплывали они редко⁵⁸. Наличие аналогичной ситуации отмечает Н.Н. Покровский для Сибири XVIII в.⁵⁹ В ходе исследования нам удалось выявить один из случаев вымогательства со стороны единоверческого духовенства и преследования старообрядцев в Тобольской губернии, что позволяет наглядно обрисовать нравственный облик клириков. Вследствие обвинения священника единоверческого Сосновского прихода Исавра Гусева в распространении раскола в 1869 г. был привлечен к суду крестьянин Семен Черемисин. В его доме земским заседателем Г. Лялиным был произведен обыск, в ходе которого были найдены в кладовой дома «в виде моленной» и «в потайнике, в завозне, по входе в оную в углу с правой стороны, под полом в яме», богослужебные книги «в разных чехлах», «узел с сосудами, лжицами и сухари из искрошенной белой просфоры».

И хотя 14 книг Черемисина консисторией были признаны «к употреблению относительно единоверия годными», да и обнаруженные вещи «соблазнительного или вредного влияния» для православия не имели, владельцу их не вернули. Было предписано отправить их в библиотеку семинарии для изучения в миссионерском классе, рукописи «сжечь», части просфоры – «спустить в реку Иртыш», а медную кандильницу, чашечку и ложки вернуть владельцу⁶⁰. Однако Черемисин, обвиненный единоверческим священником в именовании себя расколь-

ническим попом, совращении православных и исполнении противных церкви догматов и треб, все еще находился под следствием. В октябре 1871 г. он подал прошение на имя архиепископа Варлаама, в котором писал: «... почему я для священника Исавра Гусева сделался исключением из общего, всем осязательно и чувствительно понятно... Я по крестьянскому своему быту, как человек, по летам своим которых имею от роду шестьдесят, далекий от всех сует мирских и сберегающий на черный день копейку, живу благодаря Всевышнему, лучше других, к тому же еще и старообрядец. На этом-то исключительном лишь основании... Гусев давно распространял свои виды на меня, напоминая нередко мне о неминуемо-следующей ему с меня гонорарии, угрожая в противном случае своим преследованием. И так как требования его стали учащаться и сделались для меня трудными, то я в требуемом сверх сил моих, ему отказал, и этот отказ, как объяснилось теперь, разразился грозной тучей надо мной... Я не отрекаюсь и не скрываюсь, что я старообрядец, да и самый закон вины в том не находит. Но за что же меня преследуют? Зачем стеснена моя прежняя независимая свобода? ... Следствием, которое продолжается третий год, я в совращении кого-либо в раскол не повинен, не обнаружен в дерзостях противу православной церкви или ея священнослужителей...». Доведенный до отчаяния Черемисин решил дополнить картину незаконных действий единоверческого духовенства епархии новыми фактами и сообщил о венчании в январе 1871 г. Гусевым «блудницы», крестьянской девки д. Тропиной Плетневской волости Ялutorовского округа А. Чемакиной, «чрез шесть дней после выкинутия из чрева младенца» с крестьянином Омутинской волости деревни Усольцевой Г. Лазаревым. Однако консистория приказала «оставить без последствий» прошение Черемисина. Священник И. Гусев за венчание в январе 1871 г. Анны Чемакиной на шестой день после «рождения ею блудно прижитого младенца» не был привлечен к ответственности, потому что об этом стало известно от лица (С. Черемисина), который сам находился под следствием. По закону дело о поступках священника могло быть начато только после окончания следствия над Черемисиным, которое, как известно, затянулось до 1875 г. Консистория не нашла «надобности начинать по сему выводы следствия» еще и потому, что донос на И. Гусева «был сделан по прошествии шести месяцев» после совершения венчания, что освобождало его от ответственности «даже в случае и подтверждения онаго». Окончательного приговора в деле нет, поэтому

неизвестно, как сложилась судьба Черемисина. Последняя запись датирована 9 октября 1875 г., и она свидетельствует о том, что дело о Черемисине из Окружного Ялуторовского суда так и не пришло. Таким образом, следствие по доносу единоверческого священника на С. Черемисина продолжалось не менее пяти с половиной лет, в то время как сообщение о действиях самого Гусева, порочащих сан, во внимание не принималось⁶¹.

Борьба единоверческих клириков с расколом поощрялась епархиальным духовенством. Многие единоверческие служители, такие как Д.Л. Григорьев, И.А. Ковригин, П.Г. Зырянов, отправлялись на миссионерские противораскольнические курсы, проводившиеся в Тюмени⁶². Сообщения Д. Григорьева о внутренней жизни старообрядцев неоднократно печатались в Тобольских епархиальных ведомостях⁶³. Священники Сосновского единоверческого прихода И.Н. Можаяв и М.С. Зверев были направлены епископом Антонием в качестве представителей от единоверия Тобольской епархии на Киевский миссионерский съезд, проходивший с 12 по 26 июня 1908 г.⁶⁴ Псаломщики И.А. Ковригин, С.А. Григорьев, М.И. Бердюгин и М.С. Зверев выполняли обязанности помощников противораскольнических миссионеров по Ишимскому Курганскому, Тюменскому и Ялуторовскому округам.

Однако эффективность деятельности единоверческих служителей была на самом низком уровне. Миссионерский съезд 1898 г. пришел к выводу, что «из всех числящихся в единоверческих приходах единоверцев, только пятая часть могут быть названы по своим действительным убеждениям и настроению единоверцами». Епархиальная печать того времени сообщала, что «единоверие не только не служит ступенью к соединению старообрядцев с православной церковью, а, напротив, благоприятствует усилению раскола»⁶⁵.

Случаи присоединения к единоверию старообрядцев были очень редкими, поэтому их старались придать гласности. Так, тюменский единоверческий священник Х. Иваницкий в 1889 г. обратил в единоверие крестьянина д. Бердюгиной Емуртлинского прихода Давида Федорова Шведова, а в 1890 г. священник Кыштым (с. Нижнеалабугское Курганского округа) присоединил одного поповца и 10 беспоповцев. Эти проблемы не были преодолены и в начале XX в., в связи с чем нашли отражение в решениях Первого и Второго Всероссийских единоверческих съездов, проходивших в Москве в сентябре 1902 и 1917 гг.⁶⁶

Подводя итог исследованию организации западносибирских единоверческих приходов, можно сделать следующие выводы. В истории единоверия на территории Тобольской губернии можно выделить три этапа. Первый из них (30-70-е гг. XIX в.) был связан с насильственным насаждением единоверия среди старообрядческих общин края. Священнослужителей к единоверческим храмам в этот период поставляла господствующая церковь. Второй период приходится на последнюю четверть XIX в. В это время, несмотря на усилия официального духовенства, в губернии заметно снизилось количество единоверцев. Одной из причин этого были признание законности старообрядческих браков и семьи и послабления в правительственной политике. Постепенно меняется состав единоверческого духовенства. Наряду с представителями официальной церкви, значительное место в их числе занимают выходцы из старообрядческой крестьянской среды. На третьем этапе (начало XX в.), при общем росте числа старообрядцев, заметно увеличение количества единоверцев в Тобольской губернии, что можно объяснить отнюдь не успешной деятельностью православных миссионеров среди староверов, а внешними факторами, в частности, притоком переселенцев.

Источники по истории организации единоверия в Тобольской губернии подтверждают мнение большинства исследователей о том, что оно не сыграло существенной роли в борьбе официальной церкви со старообрядчеством и даже не сумело предотвратить его рост, являясь, по существу, «довольно малоуспешным экспериментом» «прежде всего в силу ограниченности, объективно присущей любому компромиссному варианту решения проблемы»⁶⁷. Неудачи организации единоверия объясняются также принудительным характером присоединения к нему старообрядцев, низким образовательным уровнем единоверческих священников и недостаточным обеспечением церквей богослужебной литературой, что приводило к искажению службы. Не было преодолено и фактическое разделение «единоверцев» и «православных», проявлявшееся, например, в том, что единоверческие священники не имели права исполнения всех треб по отношению к прихожанам православных церквей. После смерти единоверцев и православных хоронили на разных кладбищах. Неудачи в насаживании единоверия были связаны и с широким распространением в регионе в начале 1860-х гг. представителей Белокриницкой старообрядческой иерархии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Составлено по: ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 156. Оп. 24. Д. 200, Л. 65 об.; Д. 397. Л. 8–9, 14–15 и др.; Ф. 329. Оп. 3. Д. 114. Л. 1–33; Справочная книга Тобольской епархии. Тобольск, 1913, С. 215–216.

² Подробнее об организации единоверия на территории Тобольской губернии см.: *Суслова Л.Н.* Организация единоверия на территории Тобольской губернии в конце XVIII – начале XX вв. // Историческая наука на рубеже веков. Екатеринбург, 2000. С. 171–182.

³ Составлено по: ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 156. Оп. 24. Д. 200, Л. 82 об., 95 об., 102 об.; Д. 413. Л. 61–67; Д. 431. Л. 79–82 об. и др.

⁴ Там же. Д. 474. Л. 24 об.; Д. 527. Л. 22 об.; Д. 565. Л. 6 об.–7; Д. 502. Л. 4 об.–6.; Д. 254. Л. 63 об.; Д. 397. Л. 44 об.; Д. 483. Д. 51 об.; Д. 502. Л. 60 об.–62.

⁵ Там же. Ф. 329. Оп. 3. Д. 103. Л. 42, 113; Оп. 4. Д. 56. Л. 37 об., 118; Д. 64. Л. 40 и др.; Подробнее см.: *Суслова Л.Н.* Старообрядческие молитвенные здания в Тобольской губернии в XIX – начале XX вв. // Проблемы истории России. Вып. 6: От Средневековья к Современности. Екатеринбург, 2005. С. 240–271.

⁶ Собрание постановлений по части раскола. СПб., 1875. С. 399.

⁷ РГИА. Ф. 797. Оп. 79. II отд. 3 стол. Д. 22. Л. 1–68; ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 156. Оп. 24. Д. 483. Л. 48–56.

⁸ Составлено по: ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 156. Оп. 24. Д. 200, Л. 95 об., 102 об.; Д. 521. Л. 1 об.–2; Д. 527. Л. 28–28 об., 47–50 об.; Д. 565, Л. 4–5 об, 59, 88, 124; Ф. 329. Оп. 3. Д. 114. Л. 1–33 и др.).

⁹ Статистические сведения о старообрядцах (к 1 января 1912 г.). Издание Департамента духовных дел МВД. СПб., 1912. С. 1–3, 5, 11–17, 20–21.

¹⁰ Справочная книга Тобольской епархии. Тобольск, 1913. С. 215–223.

¹¹ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 156. Оп. 24. Д. 397. Л. 15, 32, 38, 52; см. также: *Мангилева А.В.* Духовное сословие на Урале в первой половине XIX века (на примере Пермской епархии). Екатеринбург, 1998. С. 143; *Пуль (Андреева) Е.В.* Влияние политики государства на состояние Екатеринбургской епархии в конце XIX – начале XX вв. // История церкви: изучение и преподавание. Материалы науч. конф., посвящ. 2000-летию христианства. 22–25 ноября 1999 г. Екатеринбург, 1999. С. 309; *Полунов А.Ю.* Под властью обер-прокурора: Государство и церковь в эпоху Александра III. М., 1996. С. 51.

¹² Собрание постановлений по части раскола. СПб., 1875. С. 257–258; РГИА. Ф. 1149. Т. XII. Д. 68: О разрешении старообрядцам иметь особые кладбища. Высоч. утв. 16 июня 1905 г.; ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 156. Оп. 24. Д. 474. Л. 10, 15–15 об., 1–19 об., 23–23 об., 27–27 об., 37 об.; Д. 483. Л. 57–57 об.

¹³ Составлено по: ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 156. Оп. 24. Д. 200. Л. 54; Д. 397. Л. 1, 3 об.–5 об., 8, 14, 19, 25, 31, 37, 43, 51, 57; Д. 431. Л. 61–67, 79–82 об.; Д. 527. Л. 28, 47 и др.

¹⁴ *Мангилева А.В.* Духовное сословие на Урале... С. 171–172.

¹⁵ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 156. Оп. 24. Д. 397. Л. 31об.

¹⁶ В Уваровском – 519 руб., в Кодском – 573 руб. 90 коп., в Бердюгинском – 576 руб., в Травнинском – 581 руб. 25 коп., в Щучинском – 689 руб., в Романовском – 694 руб., в Сивковском – 761 руб.; при этом в доходах священников существенно возрастал процент, составлявший казенное жалование (от 39% – в Сивковском приходе, до 78% – в Бердюгинском).

¹⁷ Против 191 руб. 30 коп. – в Кодской, 192 руб. – в Бердюгинской, 173 руб. – в Уваровской, 193 руб. 25 коп. – в Травнинской церкви. См.: ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 156. Оп. 24. Д. 200. Л. 54–54 об., 60 об.; Д. 208. Л. 58–62 об.; Д. 397. Л. 1 об., 25 об., 51 об., 57 об.; Д. 413. Л. 61 об.; Д. 431. Л. 79–82 об.; Д. 565. Л. 5об., 6 об.–11, 15 об., 16 об., 22 об., 29 об., 46 об., 47 об., 53 об.–54, 59, 66–71 об., 93 об.–94, 124–124 об.; Д. 502. Л. 4 об.–6; Д. 527. Л. 8 об.–10, 12 об.–14, 16 об., 22 об.–23, 28–28 об., 47; Д. 521. Л. 22 об.–25, 29 об.–30 об., 39 об.–40, 57 об., 58 об., 63 об.–65.

¹⁸ Мангилева А.В. Духовное сословие на Урале... С. 71.

¹⁹ ГУТО ГА в г. Тобольске Ф. 156. Оп. 24. Д. 397. Л. 1 об.–2; Д. 413. Л. 1об.

²⁰ Мещанин Андрей Яковлев Максимов (100 руб., с которых получалось в виде процентов 3 руб. 80 коп.), «потомственная гражданка» Тюмени Доминика Яковлева Щетинина (50 руб. «в силу духовного завещания на вечное время» – 1 руб. 90 коп. процентов), мещанка, вдова Ирина Прохорова Козлова (500 руб. – 19 руб. процентов), купец 1-ой гильдии Иван Петров Войнов (500 руб. – 19 руб. процентов), вдова купца 1-ой гильдии Ирина Григорьева Войнова (2500 руб., внесенные на пять лет на украшение церкви – 87 руб. 50 коп. процентов), мещанка вдова Пелагея Кондратьева Полушина (100 руб. – 3 руб. 80 коп. процентов), крестьянин Казанской губернии Федор Иванов Фомищев (350 руб. – 3 руб. 30 коп. процентов), вдова статского советника Фелисата Андреева Степановская (250 руб. – 9 руб. 50 коп. процентов), купец Стефан Иванов Колокольников (200 руб. – 7 руб. 60 коп. процентов).

²¹ Сосновская церковь получала по вкладам ежегодно 50 руб. 70 коп., Сивковская – 36 руб. в год, Крутихинская – 15 руб. 5 коп. и 70–100 рублей «подавания» от прихожан. Щучинская церковь имела на вкладах с 1888 г. 1200 рублей в Петропавловском отделении Государственного Банка и в Курганской сберегательной кассе Уездного Казначейства.

²² Там же. Д. 397. Л. 8 об., 14 об., 19 об., 25 об., 37 об., 51об., 57 об.

²³ Мангилева А.В. Духовное сословие на Урале... С. 142.

²⁴ По данным на 1895 г., в Сивковской, Щучинской, Нижнеалабугской церквях не было ризницы, «риз и сосудов». Библиотека во многих единоверческих храмах была «самая скудная»: в Травнинской «не хватало богослужебных книг, в частности, месячных миней и церковного устава» («по недостатку церковных сумм»), в Щучинской библиотека состояла из «некоторых брошюр противораскольнического содержания и журнала Истины за несколько лет», а круг богослужебных книг «старинной печати» был также не полон: не хватало месячных миней. Таким же было состояние церковного имущества и богослужебной литературы в Нижнеалабугской («нет месячных миней по бедности церкви»), Снигиревской и Большеярковской церквях.

См.: ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 156. Оп. 24. Д. 397. Л. 31 об.–32, 37–38, 43–43 об., 57; Д. 413. Л. 61 об.; Д. 565. Л. 59.

²⁵ Там же. Д. 527. Л. 28, 47–50 об.

²⁶ Обновляется кроме того и церковное имущество Травнинской церкви: в 1906 г. были приобретены «плашаница с гробницей в 400 рублей, металлические хоругви в 130 руб., другие деревянные в 30 руб., куплены одеяния на престол и жертвенник и аналой из белого глазета в 75 руб., а также покрывала на престол и жертвенник малинового маншестера с украшениями в 25 рублей, шесть священнических облачений с полным прибором и два стихаря с орарями стоимостью в 300 рублей, серебряная лампада на воздухе в 20 рублей», в 1907 г. – «два паникадила» общей стоимостью 220 руб., в 1908 г. – четыре подсвечника и «всеношное блюдо» на 109 руб., в 1909 г. – «дарохранильница в 120 руб., одна пара венцов в 25 руб., ковра бархатного 15 аршин и лампада в 40 руб.», а в 1910 г. вновь было куплено священническое облачение, два «выносных» подсвечника и трикирии в 50 рублей». См.: Там же. Д. 527. Л. 55–55 об.

²⁷ Там же. Д. 397. Л. 1; Д. 521. Л. 55–56 об.; Д. 527. Л. 56.

²⁸ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 156. Оп. 19. Д. 73; Оп. 26. Д. 920. Л. 8 об.–9 об.

²⁹ Подробнее см.: *Суслова Л.Н.* Источники формирования и образовательный уровень единоверческого духовенства Тобольской епархии (вторая половина XIX – начало XX вв.) // *Русские старожилы. Материалы III-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири (11–13 декабря 2000 г., Тобольск). Тобольск–Омск, 2000. С. 210–212; Мангилева А.В.* Духовное сословие... С. 72–73, 139.

³⁰ Были и старообрядцы. Артемий Андреев Ковригин (из крестьян поморского согласия Оренбургской губернии Челябинского уезда, присоединенный к единоверию в 1899 г., с 1908 г. – псаломщик в с. Кодском) и Адриан Лукианов Ведерников (крестьянин Вятской губернии, состоявший в расколе и в 1854–1862 гг. находившийся в пермских старообрядческих скитах, присоединен к православию в 1863 г. в пермской тюремной церкви и сослан на жительство в Тобольскую губернию. С 1869 г. Ведерников начинает духовную карьеру в единоверии с должности дьячка, затем служит диаконом в Тюменской и Щучинской церквях. В 1874 г. по приговору прихожан с. Нижне-Алабугского он был рукоположен в сан священника).

³¹ В церквях Травнинского, Щучинского, Сивковского и Нижнеалабугского приходов священнодействовали братья Александр Епафродитов и Стефан Епафродитов Мефодиевы. В разных единоверческих приходах Курганского и Ишимского округов служили священник Иоанн Петров Шалабанов и его брат дьячок Михаил. См.: ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 156. Д. 431. Л. 5 об.–6; Д. 200. Л. 62 об.–63, 72 об.–73, 76–81 об., 82–87, 95–101, 208–208 об.; Д. 254. Л. 21 об., 63–63 об.; Д. 311. Л. 63 об.–65.

³² Отец Макария Иван Васильев Бердзюгин долгое время был диаконом, а затем священником также в Крутихинском приходе. См.: ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 156. Д. 397. Л. 15 об.; Д. 521. Л. 39 об.–40.

³³ Феофан Волосников был сватом Афанасия. С Волосниковыми же были связаны «шестой степенью двухкровного родства» Григорий Минеев (псаломщик Щучинского и Сивковского приходов) и Неофит Григорьев (псаломщик в Крутихинском и

Сивковском приходах) Рухловы. См.: ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 156. Д. 397. Л. 20 об.–21 об., 52 об.–53, 59 об.; Д. 483. Л. 18 об.–20; Д. 565. Л. 54.

³⁴ Там же. Д. 397. Л. 4 об.–5 об., 16 об., 33 об.–34; Д. 413. Л. 61–67; Д. 483. Л. 44 об.–55; Д. 565. Л. 59–65, 90 об.–94; Д. 502. Л. 44 об.–46, 60 об.–62; В разных единоверческих приходах служили четыре брата Можаявых: Павел (псаломщик в с. Бердюгинском), Иван (священник в с. Бердюгинском), Василий (псаломщик в с. Нижнеалабугском) и Дмитрий (псаломщик в с. Снигиревском) Никифоровы. Бывшие крестьяне Семеновы Варфоломей Никитин и Николай Варфоломеев были священниками: первый – в Сивковском приходе, а второй – в Травнинском. См.: Там же. Д. 474. Л. 16 об.; Д. 502. Л. 38 об.–40; Братья Ковригины были выходцами из крестьян Челябинского уезда. Артемий Андреев Ковригин начал службу в единоверии с 1898 г. с псаломнической должности и помощника противораскольнического миссионера в Травнинском приходе. В 1899 г. он прошел миссионерскую подготовку на курсах в Тюмени, организованных Миссионерским Братством Димитрия Солунского, рукоположен в сан диакона, затем – священника (в 1900 г.) и старшего священника к Сивковской церкви, служил в Нижнеалабугском (с 1904 г.) и Щучинском (с 1908 г.) приходах. Иван Андреев Ковригин попал в единоверие (в 1908 г. принят псаломщиком в Кодскую церковь) после присоединения в 1894 г. из раскола «поморской секты». См.: Там же. Д. 502. Л. 64 об.–65; Д. 521. Л. 63 об.–65; Д. 527. Л. 13 об.–14.

³⁵ Там же. Д. 200. Л. 209–210 об.

³⁶ Первый священник с. Кодского Н. Овчинкин и псаломщик с. Щучинского А. Морев в 1898 г. были оштрафованы 5-ю и 1-м рублями соответственно в пользу вдов и сирот духовного звания за незнание катехизиса, «как незаботящиеся о своем самообразовании». См.: Там же. Д. 200. Л. 91; Д. 208. Л. 85 об.–87, 99 об.–100; Д. 254. Л. 49 об.–50; Д. 311. Л. 64–66; Д. 397. Л. 33, 34, 39, 40, 45–46, 53, 59; Д. 440. Л. 13; Д. 483. Л. 14 об.–16, 18 об.–20; Д. 431. Л. 29 об.–30, 51; Д. 474. Л. 28 об.–29; Д. 521. Л. 39 об.–40.

³⁷ Там же. Д. 200. Л. 71 об.–72, 89 об.–91; Д. 254. Л. 63 об.; Д. 397. Л. 2 об.–3 об.; Д. 474. Л. 4 об.–5; Д. 483. Л. 18 об., 22 об., 44 об.–45, 51 об.; Д. 502. Л. 60 об.–62; Д. 521. Л. 2 об.–4, 18 об.–19, 22 об.–24, 39 об.–40, 57 об.; Д. 527. Л. 2 об., 4 об., 22 об.–23; Д. 565. Л. 6 об.–11, 15 об., 53 об., 59–66.

³⁸ Так, священник Травнинской церкви Симеон Григорьев получил в 1909 году (6 сентября) благодарность от Тобольского Епархиального Братского Совета за «усердное ведение противораскольнических бесед» в качестве помощника миссионера священника А. Виноградова. Священнику А. Ведерникову (с. Нижнеалабугское) 20 февраля 1871 г. было объявлено архипастырское благословение за составление «двух рукописей против раскола». Противораскольнические статьи священника А. Никитина (с. Снигиревское) печатались в Тобольских епархиальных ведомостях, за что он имел несколько благодарностей и «хороших отзывов». См.: Там же. Д. 200. Л. 89 об.–91; Д. 521. Л. 57 об.; Д. 565. Л. 59–65; ТЕВ. 1886, № 6; 1897, № 3; 1898, № 16; 1900, № 3; 1901, № 6, 12; 1903, № 4; 1904, № 1, 2; 1905, № 2.

³⁹ Так, псаломщик Крутихинской церкви Дорофей Волосников в 1906 г. за «выдающуюся деятельность по организации церковно-приходского хора и преподавание

общаго пения» Ялutorовским уездным отделением Tobольского Епархиального Училищного Совета был награжден 20-ю рублями, а в 1909 г. получил благодарность «за усердное и успешное обучение детей грамоте». См.: ГУТО ГА в г. Tobольске. Ф. 156. Д. 521. Л. 18 об.–19; *Мангилева А. В.* Духовное сословие... С. 188.

⁴⁰ Там же. Ф. 156. Оп. 24. Д. 200. Л. 91; Д. 254. Л. 16 об.–18; Д. 502. Л. 4 об.–5; Д. 527. Л. 12 об.–13.

⁴¹ Там же. Д. 397. Л. 27; Д. 254. Л. 16 об.–18; Д. 200. Л. 110 об.–111.

⁴² *Мангилева А. В.* Духовное сословие... С. 190.

⁴³ К священнику с. Сивковского А. В. Белькову в 1907 г. – за «небрежность по службе, выразившуюся в поминовении умерших вкушением кутии прежде употребления Святых даров, за нетрезвость и совершение в нетрезвом виде крещения ... венчания ... и за непристойное обращение с бранью»; к диакону Е. А. Малахову дважды – в 1869 г. за «выбитие рам в доме волостного писаря Захарова и оскорбление при этом хозяйской дочери» и в 1875 г. за «нетрезвую жизнь, соединенную с разными неблагоприятными поступками»; к священнику Нижнеалабугского прихода Н. А. Ракитянскому в 1895 г. – за совершение обряда венчания и богослужения в пьяном виде в пасхальные праздники. Служивших на низших псаломщических должностях (Ф. П. Раева, Г. М. Рухлова и др.) за «нетрезвую жизнь» переводили в другие приходы с предупреждением исключения из духовного сословия в случае рецидива. См.: ГУТО ГА в г. Tobольске. Ф. 156. Оп. 24. Д. 208. Л. 107; Д. 397. Л. 45; Д. 502. Л. 53–55.

⁴⁴ Там же. Д. 208. Л. 87, 107; Д. 397. Л. 45; Д. 413. Л. 44 об.–45; Д. 502. Л. 53–55.

⁴⁵ Там же. Д. 208. Л. 85 об.–87; Д. 254. Л. 49 об.–50; Д. 274. Л. 65 об.–67; Д. 311. Л. 63 об.–65.

⁴⁶ Там же. Д. 311. Л. 67; Д. 302. Л. 64; Д. 346. Л. 38; Д. 413. Л. 44 об.–45.

⁴⁷ Например, за нетрезвость священника с. Уваровского И. И. Резанова в 1898 г., священника с. Нижнеалабугского Н. А. Ракитянского в 1895 г.). См.: Там же. Д. 431. Д. 23 об.–24; Д. 397. Л. 45; Д. 565. Л. 66–71 об.; см. также: *Мангилева А. В.* Духовное сословие... С. 191.

⁴⁸ ГУТО ГА в г. Tobольске. Ф. 156. Оп. 24. Д. 346. Л. 38.

⁴⁹ *Мангилева А. В.* Духовное сословие... С. 191.

⁵⁰ Иногда длительные сроки «трудоу» (более 6-ти месяцев) заменялись 3-мя месяцами и денежным штрафом (например, 10-ю руб.) за вторую половину епитимьи в пользу бедных духовного звания. (См.: ГУТО ГА в г. Tobольске. Ф. 156. Оп. 24. Д. 200. Л. 66 об.–68, 83 об.–85, 103 об.–104, 110 об.–111; Д. 208. Л. 85 об.–87; Д. 254. Л. 11–12, 49 об.–50; Д. 431. Л. 23 об.–24; Д. 502. Л. 56, 65 об.–66; Д. 565. Л. 66–71 об.). Лишь в некоторых случаях длительность епитимьи регламентировалась законодательно, например, при венчании браков несовершеннолетних священник отправлялся в труды на половину того срока, которого не хватало до совершеннолетия обвенчанных им, остальные клирики, принимавшие участие в обряде, – на четверть этого срока. См.: *Мангилева А. В.* Духовное сословие... С. 193.

⁵¹ ГУТО ГА в г. Tobольске. Ф. 156. Оп. 24. Д. 200. Л. 76–81 об.; Д. 208. Л. 86; Д. 302. Л. 52 об.–53; Д. 397. Л. 26 об.–27, 46; Иногда штрафы приравнивались к епитимьям. Так, в 1907 г., в виду болезненного состояния псаломщика с. Травнинс-

кого прихода И.И. Никитина, виновного в венчании несовершеннолетних, 13 суток спитимьи в Тобольском Знаменском монастыре были заменены десятирублевым штрафом. См.: Там же. Д. 502. Л. 56.

⁵² Там же. Д. 200. Л. 76-81 об., 208 об.; Д. 254. Л. 11-12; Д. 397. Л. 59; Д. 440. Л. 13; Д. 502. Л. 56.

⁵³ Мангилева А.В. Духовное сословие ... С. 144.

⁵⁴ Там же. С. 143-144.

⁵⁵ Так, в рапорте Синоду от 10 ноября 1866 г. тобольский епископ Варлаам использовал донесение единоверческого священника Травнинского прихода Александра Мефодьева об уклонении в раскол 450 ишимских старообрядцев обоего пола д. Окуневой и смежных с ней. Единоверческие священники совместно с противораскольническими миссионерами активно включились в борьбу с распространением в губернии последователей «австрийского» (белокриницкого) священства и доносили о действующих в Курганском, Ишимском и Ялуторовском округах «лжесвященниках» Иване Дубровине и Макаре Барсукове. См.: ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 156. Оп. 25. Д. 328. Л. 8-25; Оп. 26. Д. 920. Л. 23-24.

⁵⁶ РГИА. Ф. 832. Оп. 1. Д. 92. Л. 42-45; Ф. 1661. Оп. 1. Д. 462. Л. 1-14.

⁵⁷ Василевский М.И. Государственная система отношений к старообрядческому расколу в царствование императора Николая I. Казань, 1914. С. 246-247; Байдin В.И. Старообрядчество Урала и самодержавие (конец XVIII – середина XIX вв.). Дис. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1983. С. 160.

⁵⁸ Байдin В. И. Старообрядчество Урала и самодержавие... С. 147.

⁵⁹ Покровский Н.Н. Организация учета старообрядцев в Сибири в XVIII в.// Русское население Поморья и Сибири. М., 1973. С. 381-406; РГИА. Ф. 796. Оп. 132. Д. 612. Л. 236.

⁶⁰ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 156. Оп. 26. Д. 587. Л. 1-12, 67-75 об.

⁶¹ Из других источников известно, что Исавр Прокопьев Гусев, окончивший в 1846 г. высшее отделение Тобольского уездного училища, начал духовную карьеру в православных храмах с пономарской должности в г. Туринске. В Сосновский единоверческий приход он был рукоположен в священники в 1867 г. Во время проведения следствия над Черемисиным, где Гусев играл решающую роль обвинителя и свидетеля, его переводят из с. Сосновского в Богандинский приход Тюменского округа (13 февраля 1874 г.). Спустя два года, по ходатайству прихожан Сосновской церкви, его вернули в приход (10 мая 1876 г.). В 1879 г. последовал новый перевод Гусева «для пользы службы» в Уваровский приход того же Ялуторовского округа. Как свидетельствует его послужной список в клировых ведомостях, судимости и взысканий он не имел. Благочинный единоверческих церквей Ялуторовского округа в 1879 г. сделал запись следующего содержания: И. Гусев «поведения очень хорошего, но сварливого характера». (ГУТО ГА в г. Тобольске Ф. 156. Оп. 24. Д. 254. Л. 16 об.-18).

⁶² Дмитрий Логинов Григорьев, сын крестьянина-беспоповца, обратившийся в единоверие в 1886 г., священник Кодского, а затем и Нижнеалабугского единоверческих приходов, а также Иоанн Андреев Ковригин, псаломщик Травнинского прихода (из крестьян Челябинского уезда), и псаломщик Бердюгинской церкви Павел Григо-

рьев Зырянов (из крестьян) в 1899 г. прошли противораскольнические курсы в Тюмени, организованные Тобольским Епархиальным Братством св. Великомученика Димитрия Солунского. См.: РГИА. Ф. 796. Оп. 197. VI отд. 3 стол. Д. 271. Л. 2. 1913 г.; ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 156. Оп. 24. Д. 431. Л. 13 об.-15; Д. 521. Л. 33 об.; Д. 527. Л. 26 об.

⁶³ См. например: Григорьев Д.Л. Из мира раскола // ТЕВ. 1891. № 13–14. С. 301–308; *Он же*. О расколе Брылинской волости и соседних с ней местностей // ТЕВ. 1888. № 21–22. С. 435–442; *Он же*. О расколе и расколоучителях в село-Чашинском приходе // ТЕВ, 1887, № 17–18. С. 399–407; *Он же*. Переселенческое движение раскольников // ТЕВ. 1891. № 23–24. С. 515–520; *Он же*. Раскольническая женская община и деятельность ее обитательниц // ТЕВ. 1890. № 9–10. С. 216–226; *Он же*. Раскольническая часовня // ТЕВ. 1891. № 21–22. С. 475–483 и др.

⁶⁴ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 156. Оп. 24. Д. 521. Л. 22. об.-24.

⁶⁵ В. П. К вопросу о состоянии единоверия в России // ТЕВ. 1884. № 8. С. 1–13.

⁶⁶ РГИА. Ф. 796. Оп. 190. Д. 363. IV отд. 3 стол. Л. 1–6 об.; Оп. 204. VI отд. 3 стол. Д. 92. 1917 г.; Ф. 797. Оп. 81. II отд. 3 стол. Д. 593. Л. 1–4 об. 1911 г.; Оп. 193. Д. 446. 1911 г.; ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 156. Оп. 27. Д. 1146. Л. 160; Д. 1104. Л. 26 об.

⁶⁷ Иванов К.Ю. Единоверие как способ борьбы со старообрядчеством (на примере Томской епархии) // Культурное наследие Азиатской России: Материалы I Сибиро-Уральского исторического конгресса. Тобольск, 1997. С. 107–108; *Он же*. Старообрядчество юга Западной Сибири второй половины XIX – начала XX вв. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2001. С. 23–24; Скворцов Д.И. Единоверие, его возникновение и сущность (По поводу столетия существования единоверия в Русской церкви) // Тульская старина. Вып. 8. Тула, 1901. С. 1–21; *Он же*. Первые старообрядческие архиереи и учреждение единоверия. СПб., 1903. С. 21.